

ПАРТИЙНО-КЛАНОВЫЕ СТРУКТУРЫ И ВЛАСТЬ В ИЗРАИЛЕ

.....

Н. А. Тороус¹

В статье рассмотрена типология неформальных внутрипартийных группировок как неотъемлемого атрибута израильских партий, дан анализ процесса эволюции партийно-клановых структур власти современного Израиля. Основными факторами, по мнению автора, обусловившими формирование почвы для возникновения и последующей эволюции неформальных внутрипартийных группировок следует считать превращение общества из унитарного в плюралистическое, легитимацию идеи мультикультурализма и возрастание политического веса новых элит и различных социальных, культурных и общинных групп.

Ключевые слова: Израиль, субэтнические группы, политические партии, партийно-клановые структуры, неформальные внутрипартийные группировки, левые, патрон, Партия труда, Ликуд.

In this paper a typology of informal intra-party factions as an essential attribute of Israeli political parties, an analysis of the evolution of the party and clan-based power structures of modern Israel. The main factors in author opinion, contributing to the formation of soil for the emergence and subsequent evolution of informal groups of inner transformation of society must be considered from a unitary in the plural, legitimizing the idea of multiculturalism and increase the political weight of the new elites and different social, cultural and community groups.

Key words: Israel, subethnic groups, political parties, party-clan structures, informal party-clan factions, left, chuck, the Labor Party, Likud.

Обращаясь к такой теме, как партийно-клановые структуры власти в рамках партийно-политической системы современного Израиля, необходимо начать с краткого анализа социальной среды — ее особенностей, подводных камней, что позволит более точно описать причины и механизмы возникновения, а также эволюцию структуры и форм неформальных внутрипартийных группировок как неотъемлемого атрибута израильских партий.

¹ Тороус Николай Александрович – аспирант кафедры политологии факультета международной коммуникации Балтийского государственного технического университета им. Д.Ф. Устинова «Военмех». Эл. почта: ntorous@yandex.ru.

Как известно, одна из основных внутренних проблем Израиля — взаимоотношения между ашкеназами и сефардами. Около 80% всех евреев мира — ашкеназы и лишь 20% — сефарды. Однако в Израиле более половины еврейского населения составляют сефарды. В этой связи следует отметить характерную особенность, обнаруженную еще А. де Токвиллем в 1830-х гг. при сравнении аристократических европейских и демократических американских правительств, заключающуюся в большей коррумпированности именно демократического правительства, составленного из представителей демократических партий [5, с. 152]. В аристократических правительствах государственными делами занимаются люди состоятельные, которых на государственный пост приводит лишь стремление к власти. В демократических правительствах государственные деятели — это бедные люди, и им только предстоит нажать состояние. Это можно сказать и о партийном руководстве, о партийных функционерах разного уровня, в данном случае его сефардской части.

Подобное положение сложилось сравнительно недавно. Когда в 1948 г. был основан Израиль, его население в основном состояло из ашкеназов. Создавая израильскую культуру, «отцы-основатели» — представители первой-второй волн алии, представляли себя «наставниками» всего общества. В качестве «статусной группы» это поколение создало свои культурные и языковые символы. Оно говорило на иврите так, как способны на это только уроженцы Израиля, что еще больше подчеркивало различие между ними и новыми иммигрантами. Бесконечные испытания в самых драматических ситуациях с нередкой необходимостью самостоятельно принимать ответственные решения способствовали развитию у представителей этого поколения нескольких характерных черт: решительности, нежелания полагаться на других и т. д. В той или иной мере в этом сказывалось влияние ницшеанского мифа о «новом человеке» — антитезе галутному, закабаленному столетиями жизни в изгнании еврейству [1, с. 16]. Это привело к тому, что у большинства уроженцев Израиля сформировалось презрительное отношение к иммигрантам, в которых они продолжали видеть носителей «моральной ущербности» евреев, живущих на положении притесняемого меньшинства в странах диаспоры.

Важно заметить, что особенность начальных этапов функционирования партийно-политической системы Израиля заключалась в доминировании, безраздельном пребывании у власти (в течение почти тридцати лет) партийно-блоковой структуры МАПАЙ-Маарах, представляющей собой яркий пример закона дезинтеграции партии большинства (закон Я. Гашека) и «железного закона олигархии» Р. Михельса в действии.

Необходимо отметить и тот факт, что Партия труда традиционно была партией ашкенази, европейских, в основном польских евреев. При этом ашкеназская часть элит Израиля — это, как правило, выразители левых политических взглядов.

Таким образом, затрагивая на первый взгляд совершенно не связанную с рассматриваемым вопросом тему о принципе разделения властей, системе сдержек и противовесов, нужно сказать, что судьи Верховного суда — это высококвалифицированные правоведаы, всегда относящиеся к высшему сословию (подавляющее большинство судей — светские люди, почти все они — ашкеназы), что само по себе создает определенный дисбаланс сил, поскольку в израильском обществе важную роль играют не только статусные, но и этнические, культурные характеристики [12, с. 225].

Судьи Верховного суда не составляют большинство членов Комиссии по назначению судей, однако их представителей больше, чем представителей любой другой структуры власти, а потому их влияние на назначение своих будущих коллег особенно велико. Неизбежные разногласия между представителями различных политических партий, делегированных в Комиссию правительством и парламентом, делает мнение судей Верховного суда (выражаемое, как правило, консенсуально) решающим при отборе кандидатур будущих судей и их назначении. Поименный состав Комиссии (т. е. тех её членов, которые были делегированы различными уполномоченными на то структурами — коллегией адвокатов, правительством и парламентом) является легитимной темой судебного контроля.

Следовательно, отличительной чертой политической системы Израиля на определенных этапах ее функционирования выступает доминирование субэтнической группы, а именно, ашкенази, чьи представители традиционно занимают ключевые позиции в структуре института судебной власти, а также в парламенте страны в период доминирования/пребывания у власти Партии труда.

Вместе с тем нужно учесть деятельность, направленную на деполитизацию судебной системы, результат которой проявился как в отказе судей от формального членства в какой бы то ни было партии, так и в их подчеркнутом неучастии в любого рода политических и партийных мероприятиях [4, с. 10].

Карни Эльдад, политический обозреватель «Гаарец», анализируя похожие («зеркальные») иски, поданные левыми организациями против незаконного строительства поселенцев, и иски, которые были поданы правыми организациями против незаконного арабского строительства, приходит к выводу, что решения Верховного суда грубым образом склоняются в определенную политическую сторону: «Сравнительная статистика показала, Верховный суд поддерживает левых и арабов» [11, с. 6]. Например, сколько времени отводит БАГАЦ ответчику на предварительную реакцию (самая первая реакция на исковое заявление)? Если иск подан левыми организациями, речь идет о 25 днях. Однако если иск поступает от правых, ответчикам предоставляется 88 дней. Еще до того как будут заслушаны обе стороны, суд может издать промежуточное постановление. Здесь мы имеем, пожалуй, наиболее грубый пример нера-

венства: по 90% исков, которые были поданы левыми и арабами, БАГАЦ издал промежуточные постановления. Что касается исков, поданных правыми, эта цифра сводится к нулю.

Говоря о судебной коллегии, надо полагать, что соображения, связанные с назначением судей, носят исключительно профессиональный характер. Однако в 60% заседаний по искам, поданным левыми и арабами, участвует председатель Верховного суда Дорит Бейниш. При этом в подобных заседаниях, когда речь шла об исковых заявлениях правых организаций она не участвовала ни разу.

Другой характерный пример: срок с момента подачи иска до первого судебного заседания — 389 дней, когда речь идет об исках, поданных правыми, и 177 дней, когда иски подают левые и арабы. В ходе процесса суд быстро выносит приговор, когда речь идет об исках правых. Среднее число судебных заседаний таково: 0,5 по искам правых и 1,9 (почти в четыре раза больше) по искам левых.

При этом такой институт израильского гражданского общества, как СМИ, имеет четко выраженную тенденцию влево, причём, как правило, тенденцию нескрываемую. Опросы показывают, что по любому из вопросов, беспокоящих израильское общество, взгляды среднестатистического израильского журналиста располагаются не просто левее, а гораздо левее взглядов среднестатистического израильтянина [3, с. 130]. М. Фейглин отмечает: «Объединение судебной системы и прессы является следствием «левацкого» мировоззрения и одновременно вытекает из желания зафиксировать новый постдемократический порядок» [7, с. 13]. Истеблишмент старается навязать обществу «новояз», по которому демократия означает власть БАГАЦа и госчиновников. Когда суверен, т. е. народ в лице своих представителей в кнессете, пытается настоять на своем, пресса называет это «законом в обход БАГАЦа». Подразумевается, что народ осмелился обойти настоящего суверена, и это, разумеется, «смертельный удар по демократии». Когда, скажем, ликудники, вступившие в партию по идеологическим причинам, настаивают на реализации программы, с которой Ликуд шел на выборы и выиграл их, то это называют «враждебным захватом» и, следовательно, «угрозой демократии».

Абсолютно логично, что левонастроенные правящие элиты «первого Израиля» (политически влиятельные, экономически и культурно господствующие верхние слои ашкеназского среднего класса), сделавшие ставку на нового лидера Кадимы Ципи Ливни, крайне болезненно восприняли тенденцию роста электорального рейтинга Ликуда перед выборами 2009 г. Соответственно ими было сделано все возможное для того, чтобы убедить «умеренного избирателя» в том, что Нетаниягу, если он станет премьер-министром, приведет к власти «ультраправых экстремистов», положит конец перспективам мирного урегулирования ближневосточной проблемы и поставит под угрозу экономическое и социальное благополучие в стране. Отражая настроения влиятель-

ных левых кругов, ведущие израильские СМИ продолжительное время перед праймериз в Ликуде в изобилии снабжали будущих избирателей расчетами и выкладками, свидетельствующими о том, что доминирующей группой в парламентском списке Нетаниягу выступят так называемые повстанцы — члены фракции Ликуда в 2003-2006 гг. (Реувен Ривлин, Юваль Штайниц, Юлий Эдельштейн, Михаэль Рацон, Эхуд Ятом, Аюб Кара и др.), являвшиеся жесткими противниками шароновского плана спасения «идеологии Осло» методом «одностороннего размежевания с палестинскими арабами» и в конечном итоге «вынудившими» Шарона уйти со своими сторонниками из Ликуда в Кадиму [9, с. 94].

Главным объектом нападок политических противников Ликуда и его лидера оказался глава правой ликудовской фракции «Еврейское руководство» Моше Фейглин, выразитель идеологии «новых правых» — концепции национального развития, основанной на сочетании классических идей ревизионистского движения (идеи «единой Земли Израиля» (к западу от реки Иордан) с укреплением национально-культурной идентичности Израиля как еврейского государства.

Контролируемые этими элитами ведущие израильские СМИ, как только были опубликованы результаты выборов в Ликуде, принялись убеждать общественность, что именно такой ультраправый список Нетаниягу и получил, концентрируя внимание читателей, зрителей и слушателей на наиболее controверсальных высказываниях Фейглина и его соратников.

Согласно практике, сложившейся в израильских партиях, успехи и неудачи партийных политиков есть во многом итог деятельности выстроенных годами и контролируемых влиятельными партийными кланами сетей взаимной поддержки и обмена услугами. Любопытно, что «Еврейское руководство» М. Фейглина, которое практически не имело доступа к этим ресурсам, сумело обеспечить электоральный успех своего лидера почти на голом идеологическом энтузиазме, что несколько дискредитировало Нетаниягу, пытавшегося перемешать политическую мозаику на уровне неформальных структур власти в партии. Как отмечает В. Ханин, «в «феномене Фейглина» старая партийная гвардия видит раздражающую ее опасность смены «правил игры»» [9, с. 95].

Проведенная Нетаниягу реформа структур Ликуда, в частности, переход к формированию избирательного списка в кнессет путем голосования всех членов партии, имела целью переподчинить лидеру или как минимум ослабить ведущие внутривнутрипартийные неформальные группировки. Успех этой деятельности пока ограничен: в ряде случаев прорваться к рядовым активистам через плотные ряды местных и региональных «манипуляторов» ему оказалось крайне не просто. Этим объясняется провал на праймериз ряда фаворитов Нетаниягу, которых он лично пригласил в список и обеспечил им поддержку своего лагеря [9, с. 94]. Сей факт ко всему прочему следует интерпретировать как шаг в сторону партийного бонапартизма — прямое обращение к партий-

ной массе для искусственного создания и поддержания своей харизмы, завоевания массы на случай ожесточения верхушечной схватки за власть.

Стоит отметить, что именно в период пребывания у власти Ликуда — партии, занимающей правые позиции политического спектра, появились основные законы о гражданских правах личности: Основной закон о свободе и достоинстве человека и Основной закон о свободе деятельности, принятые в 1992 г. (второй из этих законов был принят в 1994 г. в новой редакции в период правления Аводы). До этого зафиксированные в Декларации независимости права на свободу вероисповедания и совести, а также отчетливо выраженный в ней принцип «полного общественного и политического равноправия всех граждан без различия религии, расы или пола» никогда не были повторены ни в одном из принятых кнессетом законов [12, с. 236].

Любопытно, что новая версия Основного закона о правительстве (от 18 марта 2001 г.) также была принята после того, как в результате скорейших внеочередных выборов кресло премьер-министра занял лидер Ликуда А. Шарон.

Как пишет Э. Бен-Рафаэль, «к концу эпохи Мапай — Маараха сформировалась практика «наследственной дискриминации» — порочный круг, в котором сабры (ашкенази) восточноевропейского происхождения, воспитываясь в соответствующей культурной среде и получив хорошее образование, приходили на места своих отцов в государственном и управленческом аппарате, а дети восточных репатриантов, проведя тяжелое детство в городах развития, продолжали отставать в социокультурном плане» [1, с. 17].

Такое положение дел способствовало дальнейшему развитию института «домашних кружков» — неформальных внутрипартийных группировок, поддерживающих тех или иных политических лидеров. Согласно В. Ханину, это неотъемлемый атрибут израильских партий едва ли не с момента их зарождения в рамках сионистского движения начала XX в. [8, с. 42]. Речь идет о довольно аморфных, но сравнительно стабильных группах партийных политиков, связанных отношениями взаимной лояльности и обмена услугами. Члены таких неформальных группировок, известных как «клики», или политические кланы, обычно замыкают на себя контакты с функционерами и активистами исторически связанных с партиями деловых, производственных, образовательных, информационных, культурологических институтов, а также женских, молодежных, секторально-этнических и поселенческих (коллективные поселки внутри и за «зеленой чертой») движений.

Преращение ведущих израильских партий из массовых движений в преимущественно парламентские организации обусловило существенную трансформацию партийно-клановых структур власти в Израиле. Причинами изменений такого порядка выступают:

- превращение общества из унитарного в плюралистическое;

— легитимация идеи мультикультурализма и возрастание политического веса новых элит и различных социальных, культурных и общинных групп;

— постепенный перенос центра тяжести с работы с собственными членами на работу по мобилизации электоральной поддержки широких масс населения.

Так в партиях постоянно снижалась роль формальных бюрократических институтов и соответственно шло снижение роли партийной бюрократии и возрастание значения политтехнологов, аналитиков и структур по формированию общественного мнения, а также внепартийных, в том числе неформальных, механизмов политической мобилизации и внешних источников финансирования.

Политические кланы, или неформальные группировки партийных политиков выходили за рамки «материнских партий» и связанных с ними организаций и движений, превращаясь тем самым в ядро (центр) более широких сетей взаимоотношений с деловыми, управленческими, академическими, военными, информационными и прочими кругами, элитами и группами интересов. Так, например, Э. Барак, победив в 1999 г. на прямых выборах премьер-министра, объявив себя «премьер-министром всех-всех-всех», последовательно укреплял клановые по сути структуры своей личной власти в рамках аморфного избирательного блока «Единый Израиль» за счет формальных структур Партии труда.

Другой пример — Ликуд, где в сложном симбиозе конкурентного сотрудничества функционировали исторически связанные с движением разнородные группы идеологических, политических, социально-экономических и общинных интересов. В рамках движения постепенно сформировалась сложная комбинация формальных и неформальных структур власти. Ее ядром на определенном этапе стал ближний круг А. Шарона, на тот момент лидера партии и премьер-министра, известный как «Форум Шикмим» (по имени фермы в Негеве, принадлежащей семье Шаронов). Данная структура возникла как группа поддержки А. Шарона в борьбе за его лидерство в Ликуде после выборов 1999 г. В состав группы, координаторами которой были личный советник Шарона адвокат Дов Вайсглас и сын А. Шарона Омри, входили политтехнологи Эяль Арад, Реувен Адлер, Лиора Хорева и Кальман Гаера, тщательно отобранные влиятельные (или вследствие принадлежности ставшие влиятельными) представители политической, военной, профессиональной, административной, СМИ и деловой элиты страны, связанные с лидером многоплановыми персонально-деловыми взаимоотношениями.

В. Ханин отмечает: «Группировки типа «Форума Шикмим» А. Шарона и «ближнего круга» Э. Барака, существенно отличались от «номенклатурных партократических кланов» в МАПАЙ, структур типа «Советов мудрецов Торы» в партиях ультраортодоксов или семейно-родовых группировок в араб-

ских партиях» [10, с. 45]. Они представляли собой властные структуры нового типа, вплетенные в более сложную систему взаимоотношений с традиционными персональными лагерями, идеологическими фракциями и группами интересов в партиях, квази-государственных органах (Гистадруте, Сохнуте, Земельном фонде и т.д.) и институтах исполнительной власти. Однако и для новой институционализированной формы отношений политического клиентелизма инфраструктура партий, и прежде всего их «центры» — постоянные члены периодически созываемых партийных конференций, нечто вроде расширенного состава ЦК, остаются главной политической площадкой, где только и возможна реализация максимальных властных амбиций. К примеру, Амир Перец, занимавший в 2005 г. пост председателя Гистадрута, оказался победителем в борьбе за пост лидера Аводы за счет поддержки коалиции, состоящей из части старых кланов Партии труда (Ш. Симхона, Б. Бен-Элиэзера); бывших активистов партии «Ам Эхад» (в основном членов рабочих комитетов государственных и профсоюзных компаний); третьего поколения номенклатуры МАПАЙ и идеологической группы новых левых, инициировавших принятие партией «концепции Осло». Иная комбинация этих же сил в 2006 г. способствовала замене А. Перца Э. Бараком.

Как отмечает В. Ханин, успех любого из кандидатов на внутрипартийных выборах² в Партии труда зависит не столько от привлекательности их идеологии, сколько от способности заручиться поддержкой влиятельных партийных кланов [8, с. 11]. В. Ханин пишет: «В 2007 году часть из них поддержали Ами Аялона, ранее занимавшего должности главкома ВМС и директора Службы общей безопасности (ШАБАК), однако Э. Бараку удалось привлечь на свою сторону влиятельного министра национальных инфраструктур Биньямина Бен-Элиэзера, который на слете своих сторонников, проходившем в Тель-Авиве, призвал их голосовать за Барака; министра сельского хозяйства Шалома Симхона, который помимо своего лагеря поддержки задействовал личные связи с руководством Объединенного кибуцного движения (ТАКАМ), тем самым обеспечив поддержку Барака со стороны этого сектора, составляющего около 40% постоянных членов Аводы» [8, с. 11]. Кроме того, Барак добился расположения так называемого третьего поколения номенклатуры МАПАЙ, два видных представителя которого — генсек Аводы Эйтан Кабель и министр туризма Ицхак Герцог ориентировали свои «лагеря» поддержать Барака на предстоящих праймериз, что в совокупности обеспечило победу Барака.

² В качестве поправки к закону о партиях от 1992 г., по инициативе Аводы в 1996 г. дабы устранить всевластие партийных штабов при составлении партийных списков, были введены праймериз — промежуточные выборы для отбора кандидатов в кнессет (ранее это входило исключительно в компетенцию штабов партий). Несмотря на все недостатки и издержки принятой системы, результатом впервые проведенных праймериз стало невиданное до этого обновление политической элиты страны. Так, по результатам выборов 1996 г. (кнессет 14-го созыва) 40% депутатов пришли в политику впервые.

Избирательная формула, а именно изменение механизма выборов премьер-министра страны придает дополнительный импульс процессу формирования неформальных структур власти³. Так как прямые выборы премьер-министра в Израиле более не практикуются, каждому из лидеров, если они заинтересованы в том, чтобы возглавить правительство, придется «конвертировать» свой личный рейтинг в голоса, поданные избирателями за их политические партии. А для этого им нужно не только сохранить «домашних» избирателей этих партий, но и вернуть ту часть бывшего электората Аводы, Ликуда и их предшественников (соответственно МАПАЙ и блока херутников-ревизионистов и либералов — ГАХАЛ), которые уже довольно давно откололись от «твердого ядра» их избирателей.

Период правления Б. Нетаньяху (с 1996 г. фактическое вступление в силу Основного закона о правительстве 1992 г.) характеризуется усилением внутриправительственных интриг, многочисленные кризисы привели к внеочередным парламентским выборам 1999 г. Период правления следующего премьер-министра, Э. Барака, продлился лишь до 2001 г. Характерно, что на первом же заседании правительства во главе с Э. Бараком, было принято решение о существенном расширении кабинета министров с 18 до 24 членов [2, с. 158].

Пример лейбористской Партии труда Израиля подтверждает тезис о том, что социал-демократические партии, как правило, усматривающие смысл своего существования в установлении общественной и государственной демократии и в теории обязанные иметь образцовую демократическую организацию собственной внутрипартийной жизни, на практике превращаются в ядро структур личной власти того или иного лидера-патрона в рамках аморфного избирательного блока. Как отмечал Р. Михелс в работе «Социология политической партии в условиях демократии», причиной этому служат социальные процессы, в частности, социальная трансформация рабочих партий, которая ведет за собой трансформацию политическую: «партия становится выразительницей интересов не только рабочих, но и всех трудящихся», так как новая политическая реальность требует, чтобы для достижения успеха, партия обращалась к предельно широкому кругу избирателей [6, с. 162].

Элита рабочих партий или партийное руководство с течением времени получают дополнительные мотивы, чтобы игнорировать мнение руководимой массы, предоставляя ей минимум информации и принимая важнейшие решения без апелляции к ней. Разрыв ранее тесных отношений между партийным руководством и рядовыми членами, характерный для первых этапов функционирования социал-демократических партий, привел к олигархизации последних [5, с. 154].

³ В 1992 г. кнессетом был принят второй по счету Основной закон о правительстве, согласно которому вводились прямые всеобщие выборы премьер-министра страны.

Уже в 1999 г. было очевидно, что оба тогдашних кандидата на пост премьера, и Барак, и Нетаньяху, были больше озабочены числом голосов, которые будут поданы за них лично, чем количеством мандатов, которые смогут собрать их партии. Соответственно они были вполне готовы поделиться этими мандатами, например, с секторальными движениями, в случае если лидеры последних обеспечат им «правильный» выбор этих общин.

Возвращение к старой системе голосования только за партийные списки вновь поставило перед лидерами задачу «привязать» голоса своих сторонников к партиям, во главе которых эти лидеры шли на выборы. В 2003 г. эту задачу вполне решил Шарон, подавляющее большинство персональных сторонников которого проголосовали за его тогдашнюю партию Ликуд. При этом у Шарона, который активно выстраивал в рамках своего лагеря неформальные структуры его персональной власти, была и сверхзадача: интегрировать в эти структуры партийные институты Ликуда. Этого Шарону, равно как и ранее Бараку, который, победив на выборах 1999 г., пытался превратить свой клан в ведущее звено избирательного блока «Единый Израиль» и переподчинить ему формальные структуры Партии труда, так и не удалось. В дальнейшем Шарон попробовал объединить «плавающие голоса» обоих умеренных лагерей — и своих шаронистов, и баракистов (претензии на лидерство которым после временного ухода из политики Барака в 2001 г. заявил Шимон Перес) под «зонтиком» новой партии власти — Кадимы, созданной в ноябре 2005 г.

Реализация плана размежевания потребовала выстраивания отношений с различными компонентами инфраструктуры движения, которых Шарону следовало, согласно его политической логике, превратить в элементы становления режима своей личной власти.

Это затронуло статус идеологических фракций, которые прежде играли роль важного элемента симбиоза Ликуда. Занимая официально одну из верхних позиций в иерархии формальных и неформальных партийных структур, эти фракции, как правило, действующие в виде кружков или форумов (к примеру, «Форум за сохранение идеологических ценностей Ликуда», блок «Еврейское руководство» и др.), очевидно влияли на расстановку политических сил и процесс принятия политических решений [10, с. 47].

В условиях превращения Ликуда в главный двигатель плана размежевания, партийные бюрократические институты и связанные с ними формальные и неформальные структуры резко усилились за счет идеологических групп. Так, для завершения процесса одностороннего отделения Шарону оказалось недостаточно статуса харизматического лидера партии, чтобы выиграть внутрипартийный референдум по данному вопросу и ряд голосований по связанным с ним темам в ЦК и на съездах Ликуда. Лишь поставив своих людей во главе секретариата Ликуда (партаппарат), исполкома ЦК (органа политического руководства) и Политбюро, ответственного за выработку официальной идеоло-

гической линии движения, и усилив значение двух последних, А. Шарон сумел восстановить контроль над собственной партией.

К таким ресурсам следует отнести поддержку третьей группы внутрипартийных структур — лобби, направления и другие группы оформленных секторальных интересов: этнокультурные, социальные, региональные, профессиональные и т. д. Часть из этих категорий — репатрианты, религиозные, этнические меньшинства, молодежь, женщины, интеллигенция, жители сельскохозяйственных поселений и городов развития — имеют формальные организационные рамки и закреплённые за представителями этих групп места в избирательных списках.

Наиболее влиятельную группу партийных институтов составляют персональные политические лагеря. Верхушку израильского варианта группировок кланового типа образует сравнительно узкая группа представителей политической и административной элиты национального и регионального уровня, связанных отношениями личной лояльности и взаимным обменом услугами. В Ликуде, до его раскола в 2005 г., структуры такого рода были представлены лагерем премьер-министра А. Шарона, министров Б. Нетаньяху, С. Шалома, Ц. Ханегби, И. Каца и А. Ливнат [10, с. 48].

Среднее звено клановых структур Ликуда образовывали сравнительно стабильные неформальные политические группы, состоящие из членов пленума ЦК, как правило, функционирующих на базе крупных отделений партии, муниципальных блоков и административно-хозяйственных структур. Это группа профсоюзных бойцов Хаима Каца, иерусалимские группы Ицхака Койфмана, Игаля Амеди и Рафи Бар Хена; северные группы братьев Леви, Гастона Малка и Ицхака Регева и т. д. Именно в руках этих групп фактически находилось формирование основного состава центра партии и функционирование его основных секторально-лоббистских институтов.

Лидеры таких неформальных групп, как правило, находятся в отношениях взаимного обмена услугами с лидерами ведущих лагерей. В. Ханин характеризует эти связи как весьма подвижные: «В 2005 году глава «йеменитской муниципальной группы» активистов ЦК Ликуда, Узи Коэн, покинул лагерь сторонников Биньямина Нетаньяху и открыто перешел на сторону Сильвана Шалома» [10, с. 48].

Нижнее звено ликудовских кланов образуют члены ЦК, известные как электоральные посредники — политические назначенцы в министерствах и кампаниях, представители контролируемых Ликудом муниципальных органов и общественных организаций, в арабоязычном секторе это вожди бедуинских племен и старейшины друзских деревень.

Таким образом, в Ликуде, как и во многих других израильских партиях, а также вокруг них образуются широкие патронажно-клиентельные сети, превращающие политические кланы в развернутые структуры.

Будучи институционализированной формой отношений политического клиентелизма, партийно-политические кланы в Израиле контролируют реальный механизм функционирования «партийных машин», включая формирование избирательного списка и назначения в партаппарате; разветвленную систему связей с представителями различных общественных элит (бюрократической, силовой, хозяйственной, информационной, религиозной, академической, предпринимательской). Их участники объединены системой непосредственно-личностных (родственных, дружеских, этнических, земляческих) или превращенно-личностных (деловых, профессиональных, административных, имущественных) взаимоотношений.

Отношения членов политического клана с его лидером строятся на принципах персональной лояльности последнему, взаимном обмене услугами. Патрон вправе рассчитывать на максимальное задействование его клиентами имеющихся у них связей и возможностей для укрепления своего положения во властных структурах. Лидер, в свою очередь, обеспечивает своим сторонникам возможности карьерного продвижения: политические, административные и профессиональные назначения, а также обеспечение доступа к источникам материальных и социальных привилегий [10, с. 50].

Официальным лидерам Аводы, Кадимы и Ликуда — соответственно министру обороны Эхуду Бараку, лидеру оппозиции Ципи Ливни и премьер-министру Биньямину Нетаньяху — сегодня приходится вести непростую борьбу за сохранение власти со своими конкурентами из числа высшего партийного руководства. На последних выборах эти партии оперировали главным образом личностями своих вождей, их командами и определенным набором электоральных символов, а не сформулированными идеологиями. Следовательно, в новой политической реальности партиям необходимо озаботиться созданием более акцентированных идейно-политических платформ (прежде всего во внешней политике), что в свою очередь порождает серьезную конфронтацию между идеологическими фракциями и течениями, весьма нежелательную для движений, обращающихся к предельно широкому кругу избирателей, так как последние зачастую делают свой выбор в соответствии с той позицией, которую занимают лидеры той или иной общины, субэтнической группы, что является особенностью Израиля. Таким образом, сами эти движения становятся ареной обостряющейся борьбы внутрипартийных группировок, подерживающих личности и платформы тех или иных кандидатов на лидерство.

Библиографический список

1. *Бен-Рафаэль Э.* Самоидентификация различных социальных групп в современном израильском обществе // Общество и политика современного Израиля. М.; Иерусалим: Мосты культуры — Открытый университет Израиля, 2002.
2. *Воробьев В. П., Чайко И. А.* Израильский парламентаризм: конституционно-правовой анализ. М.: МГИМО-Университет, 2006.
3. *Гейзель З.* Политические структуры Государства Израиль. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999.
4. *Зиссерман-Бродская Д.* Верховный суд Израиля и публичная дискуссия о его функциях. Иерусалим: Теэна, 2000.
5. *Исаев Б. А.* Теория партий и партийных систем: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2008.
6. *Михелс Р.* Социология политической партии в условиях демократии // Мир политической мысли: хрестоматия по партологии. СПб.: Петрополис, 2002. Кн. 1: Основоположники партологии.
7. *Фейглин М.* Диктаторское государство и выдача евреев на растерзание // Макор Ришон. 2010. 24 янв.
8. *Ханин В.* Израиль: к теории и практике публичных политических «взрывов». М., 2008.
9. *Ханин В.* Израиль: предвыборная прелюдия послевыборных расколов. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2010.
10. *Ханин В.* Партийно-клановые структуры власти современного Израиля. Опыт типологии // Ближний Восток и Современность. 2007. № 33.
11. *Эльдад К.* Сравнительная статистика показала: Верховный суд поддерживает левых и арабов // Гаарец. 2010. 11 июля.
12. *Эпштейн А.* Социально-политические последствия укрепления статуса Верховного суда как главенствующей структуры в политической жизни страны. Предварительные итоги «конституционной революции» и практики «судебного активизма» 1990-х годов // Ближний Восток и Современность. 1999. № 8.